

УДК 81`42
ББК 81.2-5

М.И.Кудрявцева

**ПОДТЕКСТ КАК СПОСОБ
СУБЪЕКТИВАЦИИ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВТОРА
И ПЕРСОНАЖА
В ПРОЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ**

Анализируются лингвистические маркеры экспликации точки зрения автора и персонажа в связи с реализуемым при этом подтекстным потенциалом в прозе В. Токаревой.

Ключевые слова: *подтекст, повествовательный прием, точка зрения, лингвистический маркер.*

Кудрявцева Мария Игоревна – соискатель кафедры русского языка и культуры речи, специалист по учебно-методической работе факультета непрерывного и дополнительного образования Педагогического института Южного Федерального университета

Тел.: 8(863)269-38-66, 8-918-569-17-48

E-mail: mariya_kdr@mail.ru

© Кудрявцева М.И., 2010 г.

С опорой на прагматический подход к исследованию нарративной перспективы художественного текста анализ реализуемого при этом подтекста не может не учитывать понятия человеческого фактора, постулирование «гипотетического “Я” писателя внутри произведения, отличного от его эмпирического “Я”» [Бенвенист, с. 14]. Изучение подтекста ориентируется прежде всего на языковую личность субъекта нарративного акта, опирается на фактор повествователя, за которым непосредственно скрывается образ автора, даже если само повествование ведется от лица персонажа. Для достижения коммуникативной цели автором избирается определенный повествовательный прием, который наделяется прагматической функцией воздействия на когнитивное сознание читателя. При этом «поверхностные структуры» повествовательного приема отражают «глубинные структуры» текста. Подтекст, другими словами, предстает результатом онтологического отождествления читателем «внутренней программы» писателя и «предметно-изобразительного кода» текста.

Исследование роли различных повествовательных приемов в тексте повествователя, как представляется, важны для создания коммуникативно-прагматически ориентированной теории подтекста, выявляющей специфику идиостилистической реализации осуществляемой автором когнитивной деятельности в процессе «облечения» словами перцептивных образов. На уровне подтек-

ста данные процессы реализуются в единстве чувственного и рационального, которое пронизывает всю динамику художественных опосредований во взаимодействиях элементов «воображение – сознание – знание – язык». В идеале семантический зазор между авторским перцептивным отражением ситуации в предметно-изобразительном коде текста и читательским внутренним воспроизведением данного отражения при рациональном восприятии текста стремится к нулю. Другими словами, подтекст – это тот чувственный «Рубикон», который должен перейти читатель при рациональной интерпретации авторского повествовательного приема в целях адекватного понимания художественного текста.

Достаточно частотным повествовательным приемом в прозе В. Токаревой предстает авторская точка зрения, в которой субъект повествования представлен в контекстно выявляемом контрастивном сочетании плана автора и плана персонажа. Автор избирает данный повествовательный прием для различных подтекстных целей: изображения социальных и психологических проблем в связи с жизнью и деятельностью персонажа, передачи субъективно-оценочного отношения к объективной действительности через раскрытие внутреннего мира персонажа. В процессе постижения авторской точки зрения, благодаря референционным связям отражения свойств единичного, подтекст актуализирует в читательском когнитивном сознании перцептивные познавательные образы в конкретно-языковых речемыслительных текстовых «продуктах», одновременно категоризируя в заданном автором ключе как элементы познавательного образа, так и образ в целом.

Даже при сужении исследования до уровня языковой репрезентации анализ подтекстной реализации авторской точки зрения предполагает обращение к знаниям из других внелингвистических сфер. Это прежде всего сферы наглядного представления (точка зрения, производящая впечатление), выражения мнения, отличного от общепризнанной истины (точка зрения, разделяемая автором), адаптации центральной нарративной перспективы («фокализация» по Ж. Женетту [Женнет, с. 151–152]), не говоря уже о когнитивных операциях выдвижения важной информации посредством эмфатических акцентов.

Авторская точка зрения определяется нами в терминах языковых средств выражения, посредством которых субъект (повествователь, автор) размышляет над объектом. Субъект-повествователь выражает свою точку зрения как в эксплицитных комментариях, так и косвенно, посредством конструкций референциального смысла, а также через соответствующее субъективное комбинирование и реализацию языкового материала.

В прозе В. Токаревой эксплицитное выражение получает точка зрения, которая воспринимается читателями как конструктивная, возможно, находящая подтверждение в их жизненном опыте. Неявно выраженная авторская точка зрения соотносится с экзистенциальным отчаянием повествователя по поводу деструктивной агрессии персона-

жа от разобщения с другими. На прагматическом уровне текста в этом случае, как правило, актуализируется скрытая противоположность интенции автора и интенции персонажа, находящая выражение в непропорциональном соотношении дескриптивного и оценочного аспектов текста. Дескриптивный и оценочный аспекты существуют параллельно. Подтекст выявляет преобладание оценки над дескрипцией, что отмечается прежде всего в неявной семантике высказываний, передающих авторскую точку зрения.

В последнем случае в недрах художественного текста конструируется подтекст, заключающий в себе «семантический, эмоциональный, оценочный, иконический (изобразительный), духовный аспекты значения в различных комбинациях» [Голякова, с. 31] и имеющий непосредственное отношение к скрытым авторским интенциям породить новые смыслы, созвучные с концептуальной системой читателя [Бакланова, с. 19]. Подтекст, таким образом, выявляется на авторском уровне, так как основная коммуникативно-прагматическая установка автора – раскрыть не только внутренний мир персонажа, но и социальные и семейные проблемы современного общества.

Актуализируемая подтекстом авторская точка зрения соотносится с языковыми элементами, которые в лингвистической референции к объектам художественного дискурса выявляют – из когнитивной и аксиологической составляющих высказывания – определенную информацию и косвенно указывают на авторское суждение по поводу данной информации. Выявление подобного соотношения предопределяет непосредственное взаимоотношение между авторской точкой зрения и подтекстом, с одной стороны, и авторской точкой зрения и речевым актом утверждения – с другой.

В художественной ткани текста авторская точка зрения обнаруживается, когда референция к дискурсивным объектам также влечет за собой репрезентацию повествователя, даже при отсутствии явно выраженных суждений по поводу того, является ли дискурсивный объект фактом мнения или непосредственного восприятия. Указанное выше положение означает, что авторская точка зрения не ограничивается выражением непосредственного восприятия писателем объектов художественного дискурса. Подтекст и авторская точка зрения являются подмножествами общей проблематики диалогизации художественного текста. Авторская речь, мысль и восприятие могут быть репрезентированы в тексте посредством идентичных синтаксических и нарративных моделей. В связи с этим, как представляется, необходимо подробней остановиться на проблеме маркеров точки зрения автора и персонажа.

Между языковой природой авторской точки зрения и идеей, поддерживаемой в ее пропозиции, можно провести параллель. Все пропозиции, сконцентрированные в пропозициональном содержании текста, выражают авторскую точку зрения. Пропозициональное содержание текста, таким образом, образует ядро авторской точки зрения, поскольку

ку оно соотносится с предикацией, которая в акте утверждения всегда априорно выражает точку зрения повествователя благодаря особому, характерному для данного автора выбору слов.

При анализе маркирования косвенно реализуемой авторской точки зрения в прозе В. Токаревой выявилась следующая закономерность: чем менее явно выражаются внешние маркеры, тем более явно внутренние маркеры акта модальной актуализации утверждения выступают сигналами нарративного диссонанса текста (противоположности интенций автора и персонажа). В прозе В. Токаревой роль маркеров последней разновидности играют многочисленные лексические элементы, такие как:

(1) обозначения, содержащие позитивную или негативную оценку суждений: *«Из тьмы выкатилось что-то длинное и грохочущее, похожее на железную змею, и люди устремились внутрь, в большие светлые клетки. Кандид вошел вместе со всеми. Люди спокойно уселись по обе стороны и стали читать большие шелестящие листки. Все должны предстать перед Создателем, и он начнет сортировать – кого в ад, кого – в рай. Но люди, похоже, ничего не ждали. Все сидели, уставившись в страницы»* [Токарева, 2001 с. 27]. Подтекст в данном случае выявляет противоположность интенций автора и персонажа, которая проявляется в том, что точка зрения максимально эксплицитна на уровне персонажа (Кандида) и имплицитна на авторском уровне. По мнению персонажа, его точка зрения (религиозная по своей сущности) носит эксплицитную позитивную оценку (*Все должны предстать перед Создателем, и он начнет сортировать – кого в ад, кого – в рай...*). Авторская точка зрения выявляет модус повседневного бытия, потенциально актуализирует общепринятое мнение о вещи как мере опредмеченного желания обычного человека, нераздельности вещи и человеческого желания (*железная змея, большие светлые клетки, большие шелестящие листки, страницы*), таким образом контрастируя с мнением персонажа (децентрализованная антропология повседневности – религиозное мировоззрение). Контрастивное сочетание интенций создает в тексте соответствующий перлокутивный эффект: авторская точка зрения сводит человека к вещи и одновременно выявляет отчуждающую идентификацию Кандида с людьми как элементами коммуникации, в подтекстном отношении реализует экзистенциальное отчаяние с преобладанием негативной оценки над дескрипцией.

В результате эмоциональность текста оказывается очень высокой на уровне высказывания, понимаемого в данном случае как речевое произведение, выполняющее коммуникативную функцию в заданной ситуации общения, независимо от своей линейной реализации. Анализ актуализируемого автором повествовательного приема на уровне высказывания обнаруживает, что выделенные лексические элементы формируют в обозначенном контексте экспрессивные речевые акты в широком смысле слова. Приведенные в (1) примеры экспрессивов

содержат интенсификаторы (*большие светлые клетки, большие шелестящие листки*), контекстно обусловленную эмоциональность лексических элементов. Авторская точка зрения выражается посредством экспрессивов, неявно передающих субъективную оценку людей и событий. Эмоциональная окрашенность высказывания в этом случае тождественна контекстуальному эмоциональному значению;

(2) явления актуализации имени существительного: *«Марина обошла выставку несколько раз, но тянула время. Боялась идти домой, входить в пустую квартиру, которая еще помнит звук ЕГО шагов, стены впитали ЕГО голос. Можно пойти к подругам. Но зачем она им ТАКАЯ?»* [Токарева, 2004 с. 127]. Подтекст в данном случае также выявляет контраст между планами автора и персонажа, противоположность их интенций. Однако выражаемая при этом точка зрения в равной степени имплицитна как на уровне персонажа, так и на авторском уровне. Речевая номинация актуализаторов имен существительных (объектов сообщений) служит источником разной информации, вытекающей как из предметно-логического, так и коннотативного аспектов значения актуализаторов.

Точка зрения персонажа (Марины) выражает экзистенциальное отчаяние по поводу ее отношений с Павлушей. Марина осуществляет выбор коммуникативно-значимого признака номинации себя и Павлуши в зависимости от личностного фактора. Подтекст при этом выявляет коннотативный аспект данных номинаций (ср.: *ЕГО шагов, ЕГО голос* – положительная оценка, *ТАКАЯ* – отрицательная оценка). Коннотация номинаций «подгоняется» автором под определенное прагматическое задание посредством своеобразного включения в коннотативную структуру высказывания. Включение осуществляется автором так, что данные номинации оказывают желаемый эффект на читателя и в то же время выполняют идентифицирующую функцию. Таким образом, в тексте реализуется вторжение прагматической стороны речи в номинации, контрастно различающиеся по своим коммуникативным (идентифицирующим) функциям.

Авторский дискурс В. Токаревой строится так, что читатель получает информацию о предстоящих событиях до описания самих событий. На уровне подтекста анализируемые актуализации номинаций персонажей «цепляются» за данную информацию, которая, фактически, выравнивает коммуникативно-значимые предварительные знания автора и читателя. Последний логически выводит авторскую точку зрения, выражающую экзистенциальное отчаяние не по поводу обреченности взаимоотношений Марины и Павлуши, а в связи с тщетностью интенсивных эмоциональных переживаний Марины, обусловленной критической жизненной ситуацией (разрыв с Павлушей);

(3) коннекторы, временные маркеры и интенсификаторы в сочетании с презентативами: *«Иногда хотелось все бросить, не тратить силы и идти ко дну. Но Тишкин плыл, плыл до изнеможения и наконец ступил на берег. Фильм был закончен»* [Токарева, 2001, с. 47]. Под-

текст в данном примере устанавливает отношения дополнения между точками зрения автора и персонажа. Автор характеризует определенный этап речемыслительного процесса персонажа, исходный перцептивный материал (точка зрения персонажа) преобразуется автором в систему элементов таким образом, что эта система находит соответствия с языковыми средствами ее выражения в авторской точке зрения, становится «соотносительной» с ними.

Так, и в точке зрения персонажа, и в точке зрения автора обнаруживаются интенсификаторы одинаковой эмоциональной тональности. Коннектор *но*, вводящий авторскую точку зрения, в подтекстном отношении выявляет «раздвоенность единого», внутренние противоречия персонажа, единство противоположностей как свойство характера персонажа, проявляющиеся в сконструированных автором временных координатах протекания событий, актуальных для персонажа. Временные координаты высказывания логически связывают «глубинные структуры» текста (подтекст) и авторский способ их речевого воплощения в целях презентации точки зрения о персонаже, экзистенциального отчаяния по поводу резких изменений в его жизни.

Интересно заметить, что маркеры, актуализирующиеся на синтаксическом уровне высказывания, служат в прозе В. Токаревой неявными средствами оформления точки зрения персонажа, оставляя голос автора «за кадром» повествования. Вместе с тем данное прагматическое свойство синтаксических маркеров совмещается в тексте с наличием потенциальных и регулярно актуализируемых связей-корреляций точки зрения персонажа с элементами авторской языковой системы. Последние, вовлекаясь в речевое действие, преобразуют точку зрения персонажа в художественное отражение, осознаваемое и осознанное, опредмеченное в знаках.

Подобное отражение точки зрения персонажа осуществляется только посредством авторской речи, диалогизирующей повествование. Синтаксические маркеры, конструирующие диктум (пропозициональное содержание) точки зрения персонажа, усиливают рефлексивное содержание акта авторского восприятия, как это имеет место в случае актуализации точки зрения персонажа посредством:

(4) вопросительного высказывания: «*Лена пила кофе. Потом почистила себе апельсин. Никаким закускам она не доверяла. Кто их делал? Какими руками? А Елисеев ел и пил пиво из стакана*» [Токарева, 2002, с. 123];

(5) риторического вопроса: «*После десятилетки Марго отослала Александра в архитектурный институт. Он хорошо рисовал. Но стране не нужны были архитекторы. Зачем? Процветал сталинский ампи́р. Высотки. Добротные восьмиэтажные дома. А что еще надо?*» [Токарева, 2002, с. 214];

(6) отрицания: «*Она поняла: Александр не собирается строить семью*» [Токарева, 2002, с. 216];

(7) поясняющей конструкции: «Александр слушал, и ему становилось полегче на какое-то время. В самом деле: **у Иванова трое на стороне. А у Селиверстова – шестеро от пяти жен. Селиверстов уже и считать перестал**» [Токарева, 2002, с. 218];

(8) конструкции с результирующим значением: «Александр не собирался жениться. Ему было двадцать два года, и он хотел снимать кино, а не связывать себя брачными узами. **Потому что всякие узы превращаются в путы, и приходится скакать по жизни, как стреноженный конь**» [Токарева, 2002, с. 216];

(9) конструкции с причинным значением: «Александр стало стыдно: зачем он мучает беременную Веру, при этом беременную его ребенком. **Значит, он мучает их обоих. Подлец, в сущности**» [Токарева, 2002, с. 220];

(10) контраста: *Вера любила слушать Александра и смотреть на него: шея, как столб, глаза, как у ястреба, все видит, все знает, **наглый и добрый*** [Токарева, 2002, с. 218];

(11) интенсификации: *С возрастом она седела, но краситься не стала. Еще чего... Седина ей шла. Седые волосы пополам с черными – соль с перцем – **гораздо красивее, чем просто черные*** [Токарева, 2002, с. 217].

Данные синтаксические маркеры в подтекстном отношении реализуют художественное измерение ответного реагирования персонажа на сложившиеся жизненные обстоятельства. Например, точка зрения персонажа в (5) является диалогической реакцией с иллюкцией неявного возражения; в (6) и (7) – реакциями на предварительно актуализованные возражения (или, по крайней мере, предвосхищение возражения) и т.д. Анализируемые маркеры (список которых, естественно, не является исчерпывающим) участвуют в авторском конструировании внутритекстовых модальных объектов. Вовлеченные в нарративную референцию акта восприятия, подобные маркеры моделируют осуществляемый когнитивным сознанием персонажа процесс восприятия, который может быть более или менее намеренным, более или менее ассоциироваться с эпистемическими и аксиологическими измерениями когнитивной системы персонажа. Насыщение высказывания синтаксическими маркерами стирает различие между актом восприятия, с одной стороны, и мыслью и речью персонажа – с другой. В результате, в точке зрения персонажа актуализируется раздвоенность единого, наличие в нем противоположных в каком-либо отношении сторон, что предполагает для читателя необходимость подтекстного «извлечения» акта отображения «живого» противоречия, перехода противоположностей друг в друга из авторской концептуальной схемы.

Вне зависимости от того, от какого лица (первого или третьего) выражается в художественном тексте В. Токаревой точка зрения автора/ персонажа, подтекст в равной степени объективизирует субъективность повествования, т.е. косвенные смыслы относительно экзистенциального отчаяния автора по поводу проблем современного

общества. Субъективность при этом детерминируется тем фактом, что языковому моделированию подвергается непосредственно акт авторского перцептивного отражения, представляющий собой не как уже ставшее, а как становящееся, совершающееся и, следовательно, в какой-то изначальный момент не как «ословленное», а как «ословливаемое» в самом процессе структурирования образа персонажа и событий, в которых проявляется его характер.

При этом подтекст зарождается еще на уровне несознаваемого сенсорного моделирования художественной ткани текста на базе обобщенных перцептивных образов объективной действительности – продукта предшествующего когнитивного опыта автора. Авторская система языковых средств выражения подтекста коррелирует с содержанием перцептивного (субъективного) отражения объективной ситуации. «Глубинная семантическая структура» (подтекст) может быть «уловлена» читателем как скоротечно протекающий компонент в авторской системе компонентов речемыслительного акта, как элемент творческого процесса преобразования «перцептивной» семантики в семантику языковую.

В данном отношении подтекст предстает глубинно-семантическим кодом художественного содержания авторского дискурса. Субъективность подобного содержания обусловлена тем, что из сферы универсально-языковых явлений оно «перетекает» в сферу авторско-языковую: в тексте обнаруживается субъективная трансформация «чисто» понятийных категорий, проявляющаяся в том, что существенно меняется их содержание в силу актуализованной при этом субъективности.

С учётом сказанного, как представляется, нуждается в некотором уточнении мнение Э. Бенвениста, согласно которому на уровне художественного текста точка зрения автора-повествователя является объективной, а точка зрения персонажа – субъективной. Повествование является объективным, поскольку «никто в данном случае не говорит, а события сами повествуют за себя» [Бенвенист, с. 241]. Думается, что в качестве гипотетического аргумента уточнения предстает один из тезисов Жерара Женетта, в соответствии с которым возможность повествователя осуществлять акт наррации от своего «Я» сосуществует в тексте с «другими голосами», даже если они не выражены в форме дискурса [Женнет, с. 142].

В данном аспекте считается целесообразным идентифицировать лингвистические маркеры, позволяющие «услышать» точку зрения автора и персонажа, с их имманентной диалогической природой в рамках художественного континуума, при этом обращая исследовательское внимание на менее очевидные формы субъективности в контексте повествования, в котором тем не менее постигаются «следы» модального субъекта, источника подтекста.

Литература

Бакланова Е.А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В.В. Набокова (на материале сборника «Возвращение Чорба») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 21 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. 448 с.

Гаврилова Г.Ф., Мальцева Н.В. Об авторизации и субъективации повествования в художественном тексте // Текст. Структура и семантика : докл. VII Междунар. конф. М., 2001. Т. 1. С. 14–21.

Голякова Л.А. Онтология подтекста и его объективация в художественном произведении, автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Пермь, 2006. 34 с.

Женетт Ж. Вымысел и слог: *fictio* и *dictio* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 5. С. 134–155.

Токарева В. Этот лучший из миров // *Токарева В.* Мои враги : сборник рассказов. М., 2001. С. 26–31.

Токарева В. Паша и Павлуша // *Токарева В.* Перелом: авторский сб. М., 2004. С. 124–151.

Токарева В. А из нашего окна // *Токарева В.* Мои враги : сб. рассказов. М., 2001. С. 45–62.

Токарева В. Антон, надень ботинки // *Токарева В.* День без вранья : сб. произведений. М., 2002. С. 120–138.

Токарева В. Александр Второй // *Токарева В.* Избранные рассказы. М., 2002. С. 212–235.